

СВЕТЛАНА КОНСТАНТИНОВНА КАЗАКОВА

кандидат искусствоведения, научный сотрудник
Ассоциация искусствоведов (Москва, Российская Федерация)

svka@inbox.ru

**ЧАСТНЫЙ ИНТЕРЕС И ОБЩЕЕ БЛАГО: ОТЗВУК ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ
В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»***

Рассматривается влияние исторического контекста на характер одного из ключевых персонажей романа И. А. Гончарова «Обрыв» – волжской дворянки Татьяны Марковны Бережковой. Прослеживаются неявные признаки изменений в хозяйстве помещицы, а также в ее общественных воззрениях. На примере отношения Бережковой к идее общего блага демонстрируется способность героини к развитию: вместо замкнувшейся на своих интересах «феодалки» старых нравов перед читателем предстает рачительная хозяйка, которая справляется с экономическими вызовами времени и поднимается до приятия явлений общественного и государственного масштаба. Анализ неочевидных деталей приводит к гипотезе, что эволюция героини произошла под воздействием изменений исторической обстановки в России эпохи реформ Александра II. На основании концепции «нового эпоса» М. М. Бахтина ставится вопрос о типологических аспектах презентации исторической реальности в романной прозе: непосредственное изображение эпических моментов или «дух века»; личное участие героев в масштабных событиях или косвенное влияние эпохи на их быт и взгляды. В сопоставлении с романом-эпопеей Л. Н. Толстого «Война и мир» делается вывод об особом, имплицитном, способе презентации исторического времени в романе Гончарова. Выявленные новые оттенки в характере Бережковой трансформируют интерпретацию финальной метафоры романа «великая “бабушка” – Россия»: в ее основании видится не патриархальность и застой, а, напротив, способность чутко слышать время и обновляться в единстве со страной.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Обрыв», русский роман, М. М. Бахтин, историческое время, «новый эпос», эпоха реформ, государственный масштаб, эволюция героини, характер

Для цитирования: Казакова С. К. Частный интерес и общее благо: отзыв эпохи великих реформ в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 95–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.530

ВВЕДЕНИЕ

Последний роман И. А. Гончарова завершается словом во славу России – в патетическом финальном абзаце автор перечисляет тех, кем дорожит его главный герой, Борис Райский:

«...его три фигуры: его Вера, его Марфенька, бабушка. А за ними стояла и сильнее их влекла его к себе – еще другая, исполинская фигура, другая великая “бабушка” – Россия» (772)¹.

Та, с которой Гончаров не побоялся сравнить Россию, – помещица Татьяна Марковна Бережкова, один из центральных персонажей романа, двоюродная бабка Бориса Райского. Финальная «мизансцена» обозначает особый нарративный статус героини – бабушки – и вписывает историю отдельной семьи в социальный контекст национального масштаба. Этот авторский посыл был воспринят далеко не однозначно. Заключительная метафора была расшифрована

как гимн старой жизни и вызвала непонимание в обществе, прежде всего у молодого поколения. «Малиновский строй бабушкиного царства символизировал для Гончарова Россию. Для нас выступала потребность переоценки этого бабушкиного строя...»², – писал В. Г. Короленко в начале XX века, возвращаясь к осмыслению общественного неприятия позиции Гончарова. Реноме консерватора закрепилось за писателем надолго. И во второй половине XX столетия считалось, что роман «Обрыв» «приближается к типу охранительного», а сам Гончаров выглядит защитником «бабушкиной старой правды»³ [9: 62, 112]. Такая позиция имеет некоторые основания в тексте романа.

Представляя Бережкову, Гончаров как будто стремился создать образ старосветской дворянки. В глазах внука она выглядит «феодалкой»,

«деспоткой» со старыми нравами – «от привычки владеть крепостными людьми». В авторских ремарках отмечается узость жизненных воззрений Бережковой: «Она была отличнейшая женщина по сердцу, но далее своего уголка ничего знать не хотела» (20). Характеристика кажется ясной и логичной. Автаркичную ментальность русской помещицы легко объяснить особенностями векового уклада дореформенной России. Его суть – в замкнутом натуральном (домашнем, как тогда говорили) хозяйстве: «...все, что в нем производится, в нем же и потребляется <...> все, что потребляется в этом хозяйстве, в нем же и производится» [14: 116].

Приобретать что-либо на стороне считалось почти зазорным – собственное производство составляло предмет особой гордости. Гончаров иллюстрирует нелюбовь Бережковой к покупкам эпизодом с веревкой для сушки белья:

«– Опять на деревья белье вешают! – гневно заметила она, обратясь к старосте. – Я велела веревку протянуть. Скажи слепой Агашке: это она все любит на иву рубашки вешать! сокровище! Обломает ветки!..

– Веревки такой длинной нет, – сонно отозвался староста, – уж надо в городе купить...

– Что ж не скажешь Василисе: она доложила бы мне. Я всякую неделю езжу: давно бы купила» (66–67).

Заметим, что Бережкова возмущена тем, что *не доложили* о нехватке – о том, чтобы совершать какие-либо траты без нее и речи быть не может, «хотя, например, веревку мог купить всякий. Но Боже сохрани, чтоб она поверила кому-нибудь деньги» (67). Татьяна Марковна, подчеркивает Гончаров,

«была не скупа, но обращалась с деньгами с бережливостью; перед издержкой задумывалась, была беспокойна, даже сердита немного; но, выдав раз деньги, тотчас же забывала о них, и даже не любила записывать; а если записывала, так только для того, по ее словам, чтоб потом не забыть, куда деньги дела, и не испугаться. Пуще всего она не любила платить вдруг много, больше куши» (67).

Историю с покупкой веревки Гончаров не забыл – она завершается сценой в купеческой лавке (через десяток страниц):

«Доехали они (Бережкова с внуком. – С. К.) до деревянных рядов. Купец встретил ее с поклонами и с улыбкой, держа шляпу на отлете и голову наклонив немного в сторону.

– Татьяне Марковне!.. – говорил он с улыбкой, показывая ряд блестящих белых зубов.

– Здравствуйте. Вот вам внука привезла, настоящего хозяина имения. Его капитал мотаю я у вас в лавке. Как рисует, играет на фортепиано!..

Райский дернул бабушку за рукав.

Кузьма Федотыч отвесил и Райскому такой же поклон.

– Хорошо ли торгуете? – спросила бабушка.

– Грех пожаловаться, сударыня. Только вы редко стали жаловать, – отвечал он, смахивая пыль с кресла и почтительно подвигая ей, а Райскому поставил стул.

В лавке были сукна и материи, в другой комнате – сыр, и леденцы, и пряности, и даже бронза.

Бабушка пересмотрела все материи, приценилась и к сыру, и к карандашам, поговорила о цене на хлеб и перешла в другую, потом в третью лавку, наконец, проехала через базар и купила только веревку, чтоб не вешали бабы белье на дерево» (79).

Как видим, Татьяна Марковна с удовольствием ездила в торговые ряды, но покупала редко, больше смотрела, ожидая почестей от купцов: «...любила <...> чтобы купцы засуетились и бросили прочих покупателей, когда она явится в лавку» (223).

Сознание экономической независимости сказалось и на общественных воззрениях Бережковой. Татьяна Марковна не нуждалась (или, точнее, считала, что не нуждается) в «услугах» государства. Самовластная, своенравная хозяйка, она

«была всегда в оппозиции с местными властями: постоя ли к ней назначат, или велят дороги чинить, взыскивают ли подати – она считала всякое подобное распоряжение начальства насилием, бранилась, ссорилась, отказывалась платить и об общем благе слышать не хотела: “Знай всякий себя”, – говорила она и не любила полиции, особенно одного полицимейстера, видя в нем почти разбойника. Тит Никоныч, попытавшись несколько раз, но тщетно, примирить ее с идеей об общем благе, ограничился тем, что мирил ее с местными властями и полицией» (71).

В краткой зарисовке нравов Бережковой (ее отношения к податям и повинностям) нетрудно распознать полусерьезный намек на концепцию общего блага (тем более что сам термин повторяется в отрывке дважды). При обращении к формулировке известного юриста и историка М. А. Рейснера ироничный посыл Гончарова становится совсем очевидным:

«Если психология естественного человека была проста (его счастье, по Рейснеру, виделось в подчинении власти. – С. К.), то социология естественного общества еще проще. И, руководствуясь этой социологией, новое государство также просто смотрело и на свою задачу – на достижение общего блага. Стоило только над каждым человеком поставить полицейского, который бы направлял его по государственной норме, то увещанием, то отеческим взысканием – и дело сделано, частное и общее благо будет достигнуто» [11: 367].

Татьяна Марковна, очевидно, «отеческую» опеку полиции не ценила, чем ставила под

сомнение благостную утопию гармонии частного и общего в естественном обществе.

Образ провинциальной помещицы, отставшей от века, опутанной сетью предрассудков, негибкой в обращении с людьми и управлении имением, долгое время казался незыблемым⁴. «Бабушка ведет свое хозяйство по старинке и побаивается новшеств» [9: 66], – писал Н. К. Пиксанов.

«Так можно было с успехом хозяйствовать до реформы. Со времени освобождения крестьян, с расширением торговли <...> с вытеснением натурального хозяйства денежным, с усилением в поместьях производства продуктов для вывоза <...> хозяйствование Бабушки становилось отсталым» [9: 66].

Однако видение Бережковой как оплота патриархальности не позволяет оценить развитие героини и перемены в ее образе действий и мысли⁵. Через пятнадцать-шестнадцать лет (ко второму визиту Райского в имение) жизнь усадьбы изменилась. В Малиновке отчетливо видны признаки перестройки натурального уклада. В первый приезд Райского мы видели, что «в девичьей сидели три-четыре молодые горничные, которые целый день, не разгибаясь, что-нибудь шили или плели кружева» (64). К концу романа, читая о подготовке свадьбы младшей внучки Марфеньки, замечаем, что крепостных девушек сменили портнихи и швеи. Они приходят в дом по утрам, хлопчут над приданным около разложенных столов, обсуждают с хозяйкой расход материала и уходят после работы. Приглашенные портнихи, торговки, разносчики товаров – эти малозаметные детали маркируют кардинальные сдвиги в экономике деревни: развитие рынка товаров и услуг. Гончаров не разрушает художественную ткань повествования разговорами о наемном труде и распространении торговли, он делает лишь косвенные намеки: «Бабушка, воротаясь, занялась было счетами, но вскоре отпустила всех торговок, швей и спросила о Райском» (664). Очевидно, что здесь речь идет о проверке счетов за работу и материалы. Хозяйственную гибкость Татьяны Марковны оттеняет сложное положение ее давнего друга Тита Никонича Ватутина. Его имение охвачено беспорядками и, судя по тексту, находится на грани разорения. И вновь Гончаров говорит об экономических реалиях деликатно, одним-двумя штрихами обрисовывая материальные трудности помещика (их можно заметить, логически сопоставляя сходные подробности).

«Не проходило почти дня, чтоб Тит Никонич не принес какого-нибудь подарка бабушке или внучкам. В марте, когда еще о зелени не слышать нигде, он принесет

свежий огурец или корзиночку земляники, в апреле горсточку свежих грибов – “первую новинку”. Привезут в город апельсины, появятся персики – они первые подаются у Татьяны Марковны» (499–500).

Это сказано о времени первого приезда Райского в имение. Что мы находим в конце романа? Анна Ивановна Тушина присылает в Малиновку плоды из своей оранжереи. Татьяна Марковна благодарит: «Вот за персики большое спасибо – у нас нет». А ведь когда-то в Малиновке подавались первые персики. Спустя годы Тит Никонич остался верен своим галантным привычкам, но его подношения более походили на символический жест внимания, чем на ежедневные лакомства к столу: он «являлся всегда одинакий, вежливый, любезный, подходящий к ручке бабушки и подносящий ей *цветок или редкий фрукт* (курсив мой. – С. К.)» (499–500). Судя по этим деталям, Тит Никонич, в отличие от Татьяны Марковны, не смог адаптироваться к переменам и не выдержал исторических испытаний.

Новые оттенки обозначились не только в хозяйстве, но и во взглядах Бережковой: в помещице как будто пробудилась гражданская сознательность. В разговоре с внуком неожиданно вспоминается старый конфликт с властями, о котором сообщалось еще в первой части романа:

«– Ну, хорошо, бабушка: а помните, был какой-то буян, полицмейстер, или исправник: у вас крышу велел разломать, постой вам поставил против правил, забор сломал и чего-чего не делал!

– Да, правда: он злой, негодный человек, враг мой был, не любила я его! Чем же кончилось? Приехал новый губернатор, узнал все его плутни и прогнал! Он смотался, спился, своя же крепостная девка завладела им – и пикнуть не смел. Умер – никто и не пожалел!» (226).

Несмотря на явное самоуправство бывшего начальника полиции, Бережкова берет вину на себя и признает, что сама дала повод к притеснениям:

«Я наказана не даром. Даром судьба не наказывает... <...> Тогда откупа пошли, а я вздумала велеть пиво варить для людей, водку гнали дома, не много, для гостей и для двора, а все же запрещено было; мостов не чинила...» (226–227).

Важная для понимания развития Бережковой сцена не бросается в глаза, она «замаскирована» автором. Восприятие информации осложняет, во-первых, характерный для Гончарова прием отложенного развития темы. Во-вторых, общее направление разговора не имеет прямого отношения к острым вопросам современности: бабушка и внук спорят о предрассудках (о судьбе и ее

дарах, о наказании за грехи). Общественный смысл замечаний Бережковой о каре за неповиновение властям, а вместе с ними и радикальный переворот в сознании героини теряются в контексте беседы⁶.

Поверхностное считывание образа Бережковой предопределено нарративными особенностями текста в целом. Не раз отмечалось, что «Обрыв» – это роман в романе. По ходу повествования Борис Райский делает заметки для своего литературного труда, и именно его субъективный взгляд нередко выходит на первый план и начинает определять мнение читателя. И публика, и критики иногда абсолютизируют раннюю характеристику, данную Татьяне Марковне внуком («феодалка», «деспотка», «старые нравы»)⁷.

Смена мировоззрения Бережковой не имеет очевидных личных причин (рассматриваемые эпизоды происходят до драматических событий с Верой). Остается предполагать, что к пониманию общей пользы Татьяну Марковну подтолкнули исторические события, которые остались «за кадром». Сложившаяся к середине XIX века российская административно-чиновничья система была чрезмерно централизованна, бюрократична, негуманна. «Полицейское государство, – считал историк, – царило у нас до самой эпохи реформ в достаточно чистой и типичной форме» [11: 369]. Несоввершенство власти нарушало гармонию государства и общества и дискредитировало идею общего блага, основанного на подчинении властям. Принуждение, исходящее от «полицейского государства», не имеющего авторитета, вызывало неприятие в определенных кругах. Восстановить равновесие общественных интересов и государственной власти были призваны земские реформы Александра II⁸.

Покаянные признания Бережковой емко и довольно точно отражают дух времени – ожидание грядущих административных преобразований. Вполне логично, что ранее, видя произвол местных властей, своенравная помещица противилась установлению общественных повинностей. Однако ветер перемен уже принес кое-какие улучшения – новый губернатор успел разобраться с самыми вопиющими злоупотреблениями и продемонстрировал новый, демократичный, стиль общения с гражданами и подчиненными. Татьяна Марковна, как следует из текста, пересмотрела свои взгляды, не дожидаясь земской реформы, передавшей местным органам власти (земствам) полномочия по устройству

и содержанию путей сообщения, взиманию налогов на местные нужды, «попечению» о развитии местной торговли и промышленности и др.⁹

Окончательное разрешение конфликта героини с властями (то есть торжество новых, деликатных, принципов администрирования) знаменуется тем, что Татьяна Марковна сравнивает себя с «полицеймейстером», причем в разговоре о сокровенном, очень личном опыте. Бабушка объясняет Борису свои принципы отношений с Верой:

«– А разве я мешаю ей? стесняю ее? Она не доверяется мне, прячется, молчит, живет своим умом <...> Я только, как полицеймейстер, смотрю, чтоб снаружи все шло своим порядком, а в дома не вхожу, пока не позвонят» (430).

На отношении Бережковой к «общему благу» могли также повлиять изменения настроений в дворянско-помещичьей среде. На волне крестьянской реформы росло осознание единых словесных интересов, понимание того, что если дворянство хочет сохранить свою общественную роль, ему следует позаботиться «о приобретении возможно большего влияния на местные дела и управление»¹⁰. О том, что мышление Бережковой приобрело сословный масштаб, Гончаров дает понять едва заметным намеком в сцене, где Татьяна Марковна тщетно пытается приобрести внука к делам его имения:

«– Я с Марфинькой хочу поехать на сенокос сегодня, – сказала бабушка Райскому, – твоя милость, хозяин, не удостоишь ли взглянуть на свои луга?»

Он, глядя в окно, отрицательно покачал головой.

– Купцы снимают: дают семьсот рублей ассигнациями, а я тысячу прошу.

Никто на это ничего не сказал.

– Что же ты, сударь, молчишь? Яков, – обратилась она к стоявшему за ее стулом Якову, – купцы завтра хотели побывать: как приедут, проводи их вот к Борису Павловичу...

– Слушаю-с.

– Выгони их вон! – равнодушно отозвался Райский.

– Слушаю-с! – повторил Яков.

– Вот как: кто ж ему позволит выгнать! *Что, если бы все помещики походили на тебя!* (курсив мой. – С. К.)» (342).

Бережкова уже не та «феодалка», которая «далее своего уголка ничего знать не хотела». В последней реплике диалога сквозит понимание сословной ответственности каждого помещика в переломную эпоху, когда стоял вопрос об историческом выживании дворянства.

Абсолютизируя «устаревшую» к концу романа информацию о конфликте помещицы с властями, украинский исследователь П. П. Алексеев

видит в образе Бережковой знак расслоения «эпически цельной эпохи»:

«Эпическая, в ее типологии, Татьяна Марковна отнюдь не в эпических отношениях с внешним миром, – Титу Никоничу периодически приходится (обратим внимание на выбор автором цитаты настоящего времени. – С. К.) улаживать ее разногласия с городским начальством, вследствие этого и эпика романа во многом получается двойственной» [6: 125].

Однако взаимодействие героев Гончарова со своим временем видится более сложным и многогранным: гармония, как кажется, не сводится к бесконфликтности, и ее реализация не ограничивается упрощенным идиллическим хронотопом¹¹.

Гипотеза о трансформации Бережковой под влиянием общественных преобразований обращает исследование к вопросу о специфике отображения эпохи в «Обрыве». К середине XIX столетия освоение романом исторического времени уже давно не было новостью. М. М. Бахтин относил это завоевание к концу XVIII века: именно тогда, по мнению исследователя, происходит переход к «новому большому эпосу»¹², появляются признаки

«известной переориентации художественного образа по отношению к реальной действительности. Художественный образ почувствовал как бы органическое стремление прикрепляться к определенному времени...» [2: 228].

Способностью отразить жизнь «в разрезе целостности эпохи» Бахтин мерил художественное качество романа:

«Изображенные в романе события должны как-то замещать собою всю жизнь эпохи. В этой способности замещать реальное целое – их художественная сущность. По степени этой сущности и, следовательно, художественной значительности романы бывают весьма различными» [2: 224].

Если отражение эпохи можно считать единой «маркой» европейского романа XIX века, то нарративные механизмы включения исторического контекста в структуру произведения своеобразны.

В рецензии на роман П. В. Анненков сравнил «Обрыв» с «Войной и миром» Л. Н. Толстого. Статья не была принята к публикации и, к сожалению, не сохранилась. Известен лишь отказ редактора «Зари», где утверждалось, что «сравнение “Обрыва” с “Войной и миром” <...> невозможно печатать...» (цит. по: [3: 286]). Однако сегодня идея сопоставления выглядит плодотворной – независимо от того, что хотел сказать Анненков. Произведения Толстого и Гончарова, объединенные интересом к рассмотрению лич-

ной судьбы в контексте великой эпохи, дают материал для изучения типологических аспектов презентации исторической реальности в прозе. Лев Толстой изображал великие события зримо, непосредственно; персонажи «Войны и мира» лично погружены в поток мировой истории – сюжет романа немыслим без описаний героев под небом Аустерлица или на укреплениях Бородинского поля. В «Обрыве» события национального масштаба представлены имплицитно. Их присутствие приходится расшифровывать, извлекая из подтекста и отыскивая «ключи». Причины, по которым исторические реалии запряты между строк романа, могут быть различными: политическая осторожность автора, приемы игры с читателем, сознательная ориентация на общечеловеческие мотивы. Гончаров передает не собственно эпический момент, а дух эпохи. Историческое время актуализируется не в событиях, оно исподволь вплетается в ткань повседневности и воздействует на героев¹³. Это открывает новые нарративные возможности: в исторический процесс вовлекаются не только те персонажи, кто, как в «Войне и мире», оказался в эпицентре событий (покидал Москву в 1812 году или, согласно первоначальному замыслу Толстого, выходил на Сенатскую площадь в 1825 году). У Гончарова колокол великих реформ Александра II звучит по всей России – отзывается эхом в поступках людей, меняет их быт, привычки, взгляды.

Присутствие исторического времени в европейском романе трансформирует художественную задачу отражения отношений личности и общества. В центре интереса оказываются направления векторов развития личных (семейных) историй и общественных процессов. Современные труды по теории и истории литературы фиксируют в европейской романной парадигме XIX века нарастающее отчуждение личного и общественного: вектор личности идет как бы параллельно историческому процессу, связь индивидуального и коллективного оказывается механической. Для русской литературы это наблюдение, по меньшей мере, спорно.

Как отечественные, так и зарубежные исследователи не раз выделяли особую диалектику личного и общего, пронизывающую произведения русских классиков¹⁴. В известном труде Эриха Ауэрбаха говорится о «великой и единой народной семье», «единстве всего русского» – черте русской литературы XIX века, которая «особенно бросается в глаза западному читателю» [1: 513]. «Война

и мир» Толстого, возможно, демонстрирует ярчайший пример всеобъемлющей семейной включенности, которая простирается до национальных масштабов.

«Похоже, что идея совместного семейного опыта доминирует в повествовании. Эта совместность опыта постепенно приобретает все более глубокий смысл и перерастает границы семьи, определяя преданность русских не только своей стране и монарху, но также национальному эпическому идеалу – идеалу, который в романе Толстого противостоит наполеоновскому тщеславию, как добро – злу (перевод мой. – С. К.)» [15: 301].

Исполинская фигура бабушки-России, которая видится герою «Обрыва» позади самых близких и дорогих людей, по-своему откликается на идею всенациональной семьи. Смысл метафоры расширяется до понимания единства триады «личность – семья – Россия», к которому постепенно идет герой романа. В конце повествования Райский отправляется в путешествие – и

«три самые глубокие его впечатления, самые дорогие воспоминания – бабушка, Вера, Марфинька – сопутствуют ему всюду, вторгаются во всякое новое ощущение, наполняют собой его досуги <...> с ними тремя – он связан и той крепкой связью, от кото-

рой только человеку и бывает хорошо, – как ни от чего не бывает» (771).

«Три фигуры», – несколько раз повторяет Гончаров. И лишь в самом последнем абзаце опыт странствий Райского по Европе добавляет к ним четвертую. В заключительных словах романа прочитывается неразрывное эпическое сопряжение личного экзистенциального опыта с незавершенной историей семьи и непростой судьбой страны в дореформенные десятилетия и в период радикальных преобразований Александра II.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При более внимательном взгляде на образ Бережковой в историческом контексте основанием для метафоры «великая “бабушка” – Россия» оказывается не патриархальность и застой, а, напротив, способность чутко слышать время, жить в согласии с эпохой и живыми традициями и отказываться от тех старых обычаев, которые, по словам самой Татьяны Марковны, «не везде пригожи». Финальное послание романа можно расшифровать как веру в обновление личности, семьи, страны – в возрождение после «обрыва».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее оригинальный текст романа цитируется по изданию: Гончаров И. А. Обрыв // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 7. СПб.: Наука, 2004. В круглых скобках в тексте указывается номер страницы.
- ² Короленко В. Г. Гончаров и «молодое поколение» // И. А. Гончаров в русской критике: Сборник статей. М.: ГИ Худ. лит., 1958. С. 334.
- ³ В исследованиях последних лет обозначилась тенденция к преодолению одномерности социологического подхода к трактовке финала «Обрыва», характерного для XX века. Актуальной выглядит попытка финского профессора И. Савкиной интерпретировать метафору «бабушка – Россия» в контексте гендерных исследований. Славист рассматривает образ бабушки – России как архетип идеальной (жертвенной) женственности, акцентируя, прежде всего, аспект материнства: «мать матерей, мать-природа, мать-Родина» [12].
- ⁴ Авторитетный американский славист Е. А. Краснощекова фактически объявила тему образа Бережковой исчерпанной. В своей книге, посвященной Гончарову, автор отказалась от подробного анализа, ссылаясь на опыт предшественников: «...об этом образе написано очень много, что позволяет здесь специально не раскрывать ее характер в целом и не оговаривать его место в системе образов» [5: 425]. Очевидно, подразумевается, что в гончароведческой литературе достигнуто определенное единство в понимании персонажа. Сама Краснощекова фиксирует незаурядность личности Татьяны Марковны, а также кратко очерчивает ее роль в пункте главы об «Обрыве» с подзаголовком «Идиллия»: «добрая старушка» с говорящей фамилией «видится мудрой и доброй опекушкой-матерью-бабушкой всех обитателей “заветного уголка”» [5: 416].
- ⁵ Аспект трансформации в образе Бережковой (ее духовной стороны) вскользь отмечает венгерский филолог А. Молнар: «...древняя “бабушкина правда” в результате фабульных событий преобразуется в христианскую» [7: 334]. Однако, судя по контексту, исследователь делает акцент не на развитии самой Татьяны Марковны, а на рецепции ее «правды» Борисом Райским.
- ⁶ Показательно, что Б. Оляшек (Лодзинский университет), трактуя «Обрыв» как вид полемиического романа, актуализирующего в сознании читателей экономические, социальные и политические вопросы, исключает Бережкову из числа участников идейного диалога: «В отличие от споров поколений (романы Тургенева, Писемского) в романистике Гончарова наблюдается постепенное ограничение участвующих в споре лиц

- до одного поколения. Эта тенденция обозначилась в романе “Обломов” и еще более отчетливо – в романе “Обрыв”, в котором главный спор идет между представителями одного, молодого, но идейно дифференцированного поколения» [8: 45].
- ⁷ Приемы амбивалентной характеристики персонажей Гончаров последовательно осваивает с первого романа. «Обыкновенная история» развивается как интрига *qui pro quo* (кто за кого), как будто заимствованная из арсенала комедии (см.: Казакова С. К. Обыкновенный случай: диалог Гончарова со Скрибом // Вопросы литературы. 2018. № 4. С. 286–300). В «Обломове» двойственность трактовки достигается за счет имплицитного влияния позиции Штольца на повествователя – о том, что именно Штолец поведал историю автору, читатель узнает только в самой последней строке романа: «И он рассказал ему, что здесь написано».
- ⁸ Большую роль в подготовке и проведении земской реформы 1864 года сыграл министр внутренних дел (1861–1868) П. А. Валуев. Гончаров был лично знаком с Валуевым, состоял с ним в переписке.
- ⁹ См.: Положение об уездных и губернских земских учреждениях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://doc.histrf.ru/19/vysochayshe-utverzhdennoe-polozhenie-o-gubernskikh-i-uezdnykh-zemskikh-uchrezhdeniyakh/> (дата обращения 15.04.2020).
- ¹⁰ Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие, 1762–1855. СПб., 1906. С. 657.
- ¹¹ С первого романа Гончарову был присущ онтологический оптимизм в разрешении противоречия «человек – общество». Подробнее см.: [4].
- ¹² На границу перехода к новому большому эпосу М. М. Бахтин поместил «Вильгельма Мейстера» Гете [2: 232].
- ¹³ Об имплицитном отражении общественной обстановки в романах Гончарова высказывался Д. И. Писарев (в отношении «Обыкновенной истории» и «Обломова»): «Влияние общества на личность героя <...> скрыто от глаз читателя; автор понимает, что оно должно существовать, но он держит его где-то за кулисами, и из-за этих кулис герой выходит совершенно готовым» [10]. Критику нельзя отказать в остроумии, однако роль «кулис» в трилогии Гончарова он все же недооценил.
- ¹⁴ Нельзя, однако, не отметить, что к концу прошлого столетия накопилась некоторая усталость от общих мест о своеобразии русской литературы и обозначился интерес к изучению общеевропейского литературного процесса и мирового контекста. Показательно высказывание В. А. Туниманова: «...хочется забыть или отбросить слишком распространенное клише о необычайной русской широкости, об удивительных свойствах русской души, которой душно и скучно в этой “мещанской и меркантильной бездуховной Европе и т. д.”» [13: 436–437].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ауэрбах Э. Мимесис: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1976. 557 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Гуськов С. Н. Почему был обруган «Обрыв»? (О некоторых причинах негативной критической рецепции романа) // Материалы V Международной науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова: Сб. статей. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 279–286.
4. Казакова С. К. Человек и мир в русском романе: Метаморфозы героев «Обыкновенной истории»: И. А. Гончарова // Вестник КГУ. 2020. № 1. С. 118–124.
5. Красноточкова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2012. 528 с.
6. Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова: Сб. статей русских и зарубежных авторов / Сост. И. В. Смирнова и др. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. 400 с.
7. Молнар А. Поэзия прозы в творчестве Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. 448 с.
8. Оляшек Б. Герои «Обрыва» в пространстве русского агона // Гончаров после «Обломова»: Тезисы докладов III Международной гончаровской конференции. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2014. С. 44–45.
9. Пиксанов Н. К. Роман Гончарова «Обрыв» в свет социальной истории. Л.: Наука, 1968. 201 с.
10. Писарев Д. И. Писемский, Тургенев, Гончаров // Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1955. С. 192–230.
11. Рейснер М. А. Общественное благо и абсолютное государство // Рейснер М. А. Государство и верующая личность. М.: Либроком, 2011. С. 278–389.
12. Савкина И. «Другая великая бабушка – Россия» // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков. М.: РГГУ, 2010. С. 88–99.
13. Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 592 с.
14. Шершеневич Г. Ф. Социология: Лекции. М.: Либроком, 2011. 200 с.
15. The Cambridge history of Russian literature. (Charles A. Mose, Ed.). Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 1992. 720 p.

Svetlana K. Kazakova, PhD in Art History, Association of Art Critics
of Russia (Moscow, Russian Federation)
svka@inbox.ru

**PRIVATE INTEREST AND COMMON GOOD:
ECHO OF THE GREAT REFORMS ERA
IN IVAN GONCHAROV'S NOVEL *THE PRECIPICE****

The article traces the impact of historic background on one of the key characters of Goncharov's novel *The Precipice* – an old landlady, grandmother Tatiana Markovna Berezhkova. Numerous details hidden in the text imply that the way Berezhkova manages her estate, as well as her life principles, improve overtime. An indirect evidence of the ability to change is provided by her gradual understanding of the common good concept – presumably in response to the changing historic environment in the time of government reforms of Alexander II of Russia. Rooted in Bakhtin's concept of “new epic”, the article addresses the difference between explicit (as in Tolstoy's *War and Peace*) and implicit presentation of historic background – the latter distinguishes Goncharov's *The Precipice*. The developing nature of Berezhkova's character allows to interpret the final metaphor of the novel, *another great grandmother – Russia*, as a symbol of historic adjustment, and coherent personal and national revival.

Keywords: Ivan Goncharov, *The Precipice*, Russian novel, Mikhail Bakhtin, historic time, “new epic”, era of reforms, national scale, heroine evolution, character

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the project No 20-012-00102.

Cite this article as: Kazakova S. K. Private interest and common good: echo of the great reforms era in Ivan Goncharov's novel *The Precipice*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 95–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.530

REFERENCES

1. Auerbach E. Mimesis: Translation from German. Moscow, 1976. 557 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow, 1979. 424 p. (In Russ.)
3. Guskov S. N. Why was *The Precipice* condemned? (Some reasons for the negative critical reception of the novel). *Proceedings of the V International Research Conference Commemorating the 200th Anniversary of Ivan Goncharov: Collection of articles*. Ulyanovsk, 2012. P. 279–286. (In Russ.)
4. Kazakova S. Man and the world in the Russian novel – metamorphoses of heroes of *A Common Story* by Ivan Goncharov. *Vestnik of Kostroma State University*. 2020. No 1. P. 118–124. (In Russ.)
5. Krasnozhchekova E. A. I. A. Goncharov: The world of creativity. St. Petersburg, 2012. 528 p. (In Russ.)
6. Proceedings of the VI International Conference Commemorating the 205th Anniversary of Ivan Goncharov. Ulyanovsk, 2017. 400 p. (In Russ.)
7. Molnar A. Poetry of prose in the works of Goncharov. Ulyanovsk, 2012. 448 p. (In Russ.)
8. Olyashek B. Heroes of *The Precipice* in the discourse of Russian agon. *Goncharov after Oblomov: Proceedings of the III International Goncharov Conference*. Tver, 2015. P. 162–175. (In Russ.)
9. Pksanov N. K. Goncharov's novel *The Precipice* through the prism of social history. Leningrad, 1968. 201 p. (In Russ.)
10. Pisarev D. I. Pisemsky, Turgenev, Goncharov. *Pisarev D. I. Collected works: In 4 vols*. Vol. 1. Moscow, 1955. P. 192–230. (In Russ.)
11. Reisner M. A. Common good and absolute state. *Reisner M. A. The state and the religious individual*. Moscow, 2011. P. 278–389. (In Russ.)
12. Savkina I. “Another great grandmother – Russia”. *Constructs of national identity in Russian culture of the XVIII and the XIX centuries*. Moscow, 2010. P. 88–99. (In Russ.)
13. Tunimanov V. A. Labyrinth of couplings. St. Petersburg, 2013. 592 p. (In Russ.)
14. Shershenevich G. F. Sociology. Lectures. Moscow, 2011. 200 p. (In Russ.)
15. The Cambridge history of Russian literature. (Charles A. Moser, Ed.). Cambridge, United Kingdom, 1992. 720 p.

Received: 16 April, 2020